

**ЧЕТВЕРТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ДИСКУРСОЛОГИЯ:
МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»,
ПОСВЯЩЕННАЯ 80-ЛЕТИЮ ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА
(DISCURSOLOGIA: METODOLOGÍA, TEORÍA, PRÁCTICA)
2 ОКТЯБРЯ–18 ДЕКАБРЯ 2009 Г.
ЕКАТЕРИНБУРГ–ЧЕЛЯБИНСК–ТЮМЕНЬ–ТОЛУКА (МЕКСИКА)**

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Е.Н. Коваленко

**ТЕОРИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ
Ю. ХАБЕРМАСА И РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО
РАВНОПРАВИА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПОДХОДЫ ФЕМИНИСТСКИХ ТЕОРЕТИКОВ**

Коваленко
Елена Николаевна

Аспирант УрГУ, доцент
МАДИ

Интерес к Хабермасу со стороны феминистских теоретиков неслучаен, поскольку он развивает в своих работах понятия, составляющие основу феминистской политической философии. Так, например, определение дискурса, как идеальной (но при этом практически возможной, реальной) коммуникативной ситуации, открытой дискуссии с обсуждением проблем, заявленных участниками с притязанием на значимость и отсылкой к рациональным аргументам, позволяет представить практическую модель формирования «повестки дня» современного феминизма. При этом идеи автономии субъекта, признания его независимости, принципов равноправного обсуждения и обмена мнениями при непрерывной коммуникации имеют

большое значение при реализации теории совещательной демократии, когда институты прямой демократии дополняются активным участием общественности в поисках решений для актуальных проблем общества.

«Повседневная коммуникативная практика позволяет достичь взаимопонимания с учетом притязаний на значимость – и это единственная альтернатива более или менее насильственному воздействию людей друг на друга. Поскольку же притязания на значимость, которые мы в разговоре связываем с нашими убеждениями, стремятся выйти за рамки того или иного контекста... , всякое согласие, достигаемое или воспроизводимое в коммуникации, должно опираться на некий потенциал вполне уязвимых оснований, но – именно оснований»¹, – пишет последний из представителей Франкфуртской школы, реабилитируя тем самым роль критического разума в обществе и отмечая перспективы демократического развития. Эту идею подхватывают феминистские философы, в частности Сейла Бенхабиб, которая видит в широком публичном обсуждении групповых женских проблем путь к конвенциональному закреплению норм демократии в современных обществах.

По мнению Бенхабиб², современные демократические общества отступили от принципов либерализма в угоду интересам различных куль-

турных, национальных и религиозных сообществ. Приоритет интересов определенных групп на уровне общества создает ситуацию, когда интересы других индивидов выносятся на второй план, а зачастую культурные, религиозные и этнические нормы и принципы существования сообщества расходятся не только с интересами представителей этих сообществ, но и с нормами права, т.е. на практике ведут к ущемлению прав человека в демократических государствах. Описывая ситуацию с женщинами-мусульманками в Европе, женщинами, приехавшими из традиционных обществ Азии и Африки в США, Бенхабиб приходит к выводу о том, что сама идея либерализма и демократии на практике разрушается через следование принципам мультикультурализма и невмешательства государства в идеи других культур³, представленных в отдельных группах населения. Это влечет за собой серьезные социальные конфликты, которые перерастают в политические («дело о платках», например). Выход может быть найден в практической реализации концепции коммуникативного действия Ю. Хабермаса, считает феминистский теоретик. Бенхабиб теоретически развивает модель совещательной демократии, считая необходимым дополнить ее основными либеральными принципами – свобода самоопределения личности в отношении различных групп и сообществ, автоматическое наделение личности комплексом неоспоримых демократических прав и свобод вне зависимости от ее вхождения в состав того или иного сообщества.

Однако необходимо отметить, что восприятие феминистками теории Хабермаса не является однозначным. Особый интерес для критики вызывает его трактовка публичной сферы без учета гендерной специфики – как правило, активность в публичной сфере символически закреплена за мужчинами, которым как бы делегировано неоспоримое право выступать представителем групповых интересов (например, семьи). Традиционная трактовка публичной сферы препятствует равному участию в публичной дискуссии носителей всех реализуемых в обществе идентичностей. Рита Фелски⁴, занимающаяся исследованием разделения приватной и публичной сфер на примере

художественной активности женщин, в частности в эпоху Модерна, считает необходимым расширить определение публичной сферы через опору на новые представления об автономном субъекте. «С ее точки зрения, публичная сфера вырастает из опыта политического протеста, как показали О. Негт и А. Клюге [Negt O. Kluge A., 1993], отражая позиции множественных субъектов (постструктурализм) и тендерные различия (феминизм). Хотя Фельски критически пересмотрела хабермасовское понятие публичной сферы, лишив его всяческих буржуазных, логоцентристских и патриархальных коннотаций, она осталась в рамках старой традиции разделения публичного и частного, сводя «политическое» именно к публичному»⁵.

Как пишет Полин Джонсон⁶, разделение между публичной и частной сферой в теории Хабермаса происходит в связи с тем, что расширяющаяся область

личной автономии призывает к символическому признанию со стороны других. Следовательно, приватная сфера рассматривается как борьба за дискурсивное конструирование, через которое могут быть представлены нужды и требования конкретной идентичности. Таким образом, именно на уровне приватного происходит формирование идентичности, которая затем переносит свои интересы, запросы, представления в сферу общественного (публичного) обсуждения.

Подобная трактовка позволяет снять феминистскую остроту восприятия социально-политических концепций, краеугольным камнем которых является выделение публичной сферы как особого пространства для социального действия. С позиции феминистских теоретиков, любое разделение на сферы, группы и категории ведет к созданию новых иерархий, закреплению отдельных социальных групп за определенными сферами, регламентации социальных функций в привязке к конкретным идентичностям, формированию новых типов неравенства, угнетения и подчинения. Джонсон видит примат личной автономии в концепции Хабермаса основным позитивным моментом, способным служить на благо феминистской философии, которая на данном этапе своего развития находится в методологическом

поиске решения проблем социального и политического неравенства и гендерного дисбаланса в современных обществах.

Идеи Хабермаса в своей сути повторяют основной парадокс феминизма, наиболее четко представленный Моник Виттиг⁷ – в идеале, феминизм, выступающий за равноправие людей и равноценность любой личности вне зависимости от признака пола, должен вообще отказаться от категории «женщины», которая как раз подчеркивает важность существования этого признака в обществе; но, отказавшись от категории «женщины», феминизм рискует потерять всякий смысл. По Хабермасу, для того чтобы услышать интересы и требования различных идентичностей в публичном пространстве, необходимо отказаться от восприятия агентов, представляющих эти инте-

ресы и требования, как носителей определенной идентичности и прибегнуть к услугам критического разума, заботясь прежде всего о соблюдении личной автономии каждого члена общества.

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Наука, 2006. 377 с. С. 33.
2. Бенхабб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. Логос, 2005. 289 с.
3. Во многом на практике конъюнктурно извращенными некоторыми толкователями этих идей.
4. Felsky R. The gender of modernity/ The Presidents and Fellows of Harvard College, 1995. 247 pp.
5. Черных А. Мир современных медиа. М., 2007. Гл. 4. <http://culturca.narod.ru/Cher1.htm>.
6. Johnson P. Distorted communications: Feminism's dispute with Habermas/ Philosophy & Social Criticism. Vol. 27 no 1, 2000. pp. 39–62.
7. Виттиг М. Женщиной не рождаются. URL: <http://www.lib.proza.com.ua/book/1814>.

Е.В. Ишменев

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ СИСТЕМНОЙ И ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.ХАБЕРМАСА

Ишменев
Евгений Васильевич

аспирант Института
философии и права
УрО РАН, доцент
МАДИ

Особую актуальность изучению проблем информационного общества в контексте соотношения его системных и повседневных особенностей придают исследования, представленные в рамках коммуникативной теории. В отличие от большинства подходов, ориентированных на определение специфики информационной сферы, в теории коммуникации отдельное внимание уделяется рассмотрению социальных характеристик процесса информатизации. Объектом изучения в этом случае выступают социальные акторы,

участвующие в «производстве» и «потреблении» информации, а также социальный контекст, определяемый теми социальными условиями, в которых происходит «обращение» информации. При этом изучение контекста не ограничивается анализом ситуативных особенностей коммуникативных событий, но включает в себя институциональные, исторические, прагматические и другие факторы, влияющие на поведение участников коммуникации.

В рамках обозначенной проблематики особый интерес представляет дискурсивный анализ коммуникативной сферы. Специфика дискурсивного анализа определяется не только рассмотрением лингвистических особенностей коммуникации, но также обращением к анализу экстралингвистических особенностей. Изучение последних обусловлено попыткой представить поведение участников коммуникации как результат рационального выбора той или иной коммуникативной стратегии [Кубрякова, Цурикова 2008]. То есть коммуникативные действия участников ставятся в зависимость от их целей, интересов, институ-